
КНИЖКА ЗА КНИЖКОЙ
Историческая серия
Н. Д. ФЛИТТНЕР
КАК НАУЧИЛИСЬ ЧИТАТЬ ИЕРОГЛИФЫ
КУЛЬТУРНО ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ КООПЕРАТИВНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
„НАЧАТКИ ЗНАНИЙ"
ПЕТРОГРАД

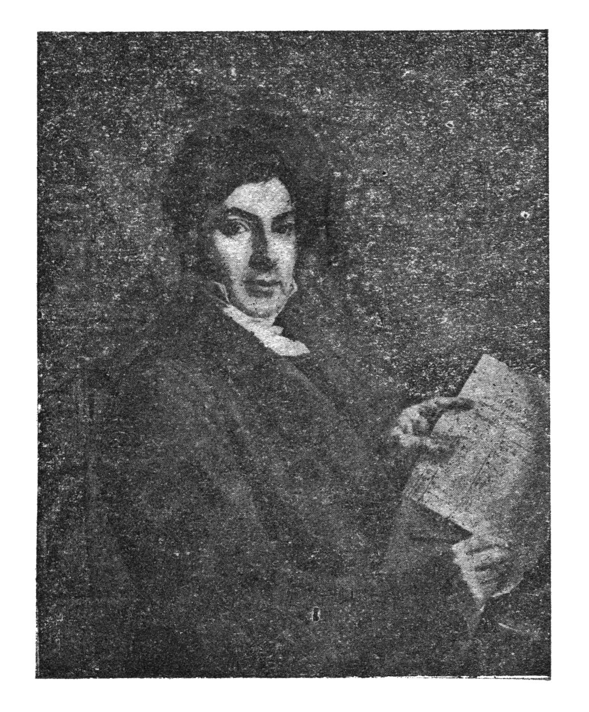
КНИЖКА ЗА КНИЖКОЙ № 1.
ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕРИЯ.

Н. Д. Флиттнер.

Как научились читать иероглифы.

К столетию дешифровки иероглифов Ф. Шампольоном.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ
КООПЕРАТИВНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
„НАЧАТКИ ЗНАНИЙ"
ПЕТРОГРАД—1923.

Франсуа Шампольон.

Часть надписи Розеттского камня с картушем Птолемея Епифана.

Как научились читать иероглифы.

Человеку и животному равно свойственно *звуком* выражать свои ощущения и желания. Но связать звук с видимым предметом, и отсюда сделать следующий шаг к связыванию звука с отвлеченными понятиями, было суждено только *человеку*, членораздельная, связная речь является отличительной чертой *человека*. Членораздельной речью передает он другим людям все, что его волнует и занимает, и только возможность такого обмена мыслями, выраженными в слове, сделала из человека то, чем он является во все время своего существования—существо общественное. Но живая речь дает человеку возможность общаться с другими людьми лишь при непосредственных сношениях,—отделенный от них временем или пространством он теряет возможность сообщаться с ними. А в случае полного отсутствия возможности передавать свою мысль в слове, человек роковым образом, теряет постепенно и самую способность мыслить,—так, по крайней мере, бывало с потерпевшими кораблекрушение у необитаемых берегов.

Потому и придает человек такое громадное значение *письму*, этому *видимому* образу живого слова, потому уже в древнем Египте изобретателем письма считали мудрейшего из богов, ибисоголового Тота, бога разума и магии одновременно, сердца и языка верховного божества, его визиря и писца.

Древнейшей попыткой сохранить мысль в видимом образе, а не „в дуновении уст“, не в произнесенном слове, умирающем, как только оно было высказано, были заметки, зарубки, которые делал человек, чтобы особым образом отметить предмет, на котором они были сделаны. Так отмечал первобытный человек дорогу в дремучем лесу, делая насечки на деревьях. Зарубкой отмечал он также ствол дерева, на котором нашел дикий улей; такая зарубка имела характер не просто памятный,—она должна была дать знать всякому, кто придет к этому дереву, что оно имеет уже владельца,—эта зарубка являлась не только *памятным* знаком, но и знаком *владения*. Древнейший Египет был знаком с этими знаками владения, их ставили, напр., на посуде из глины, находимой в большом количестве в так наз. „додинастических“ могилах.

Но такие зарубки или метки на деревьях или предметах должны нам напомнить то, что мы знали раньше, но что боимся забыть,—или же, в форме „знаков владения“, могут быть приравнены к короткому, отрывистому крику, издаваемому и жи-

вотным, чтобы сообщить другим о своем присутствии в данном месте; знак владения имеет то же значение, что и короткое восклицание: „не тронь! мое!“ Письмо-же в развитом виде является сложным сочетанием знаков, изображающих звуки, сочетание которых имеет целью довести до нашего сведения мысль, которой мы раньше не знали.

Этот сложный способ увековечивания мысли, передачи ее на расстоянии пространства и времени, был изобретен и развит египтянами, народом, создавшим в северовосточном углу Африки, по Среднему и Нижнему течению Нила древнейшую из известных нам культур.

Человеку свойственны две формы мышления: *образное*, от которого ведет свое начало художественное творчество, и *отвлеченное*, свойственное следующей ступени развития, и легшее в основу научного творчества. Первобытный человек делает не одни зарубки или насечки, как знаки владения, или просто для памяти, — он пользуется врожденным ему инстинктом художественного творчества и, может быть тоже для памяти, делает изображение того предмета, который надлежит помнить ради тех или иных целей.

Эти древнейшие рисунки были родоначальниками как художественных произведений, так и *письма*, потому что человек постепенно научился в рисунке не только *видеть* тот предмет, который он изображал, но и *слышать*, так сказать, *внутренним ухом*,

звук того слова, которое означает этот предмет. Правда, остается еще ряд понятий не поддающихся изображению рисунком: напр., египтянин изображал солнце кружком ⊙, дерево рисунком его—, человека—фигурой сидящего —. Это было вполне понятно всякому. Значительно труднее было изобразить такие понятия, как „доброта“, „милость“, „удовольствие“ и т. п. Здесь человеку пришлось сделать новое усилие мысли и от чисто художественно воспринятого и художественно выраженного впечатления от видимого предмета перейти к сложному способу расчленения слова на звуковые группы, поддающиеся художественному изображению, и параллельно с этой работой мысли человек проделывает и еще одну,—чисто художественный образ получает *символическое* значение.

Для примера возьмем так. наз. „палетку Нармера“. (Рис. №№ 2, 3). Найдена она была в Иераконполе (Верхний Египет) английским археологом Quibell'ем, была посвящена в храм, судя по надписи, одним из ранних царей первой династии—фараоном Нармером и представляет собою пластину из шифера, покрытую с двух сторон рельефными художественными изображениями и знаками. На одной стороне изображен царь в короне Верхнего Египта, в царском препоясании, с волчьим хвостом позади. Царь левой рукой ухватил за волосы поверженного перед ним на колени человека, правой занес над его головой боевую

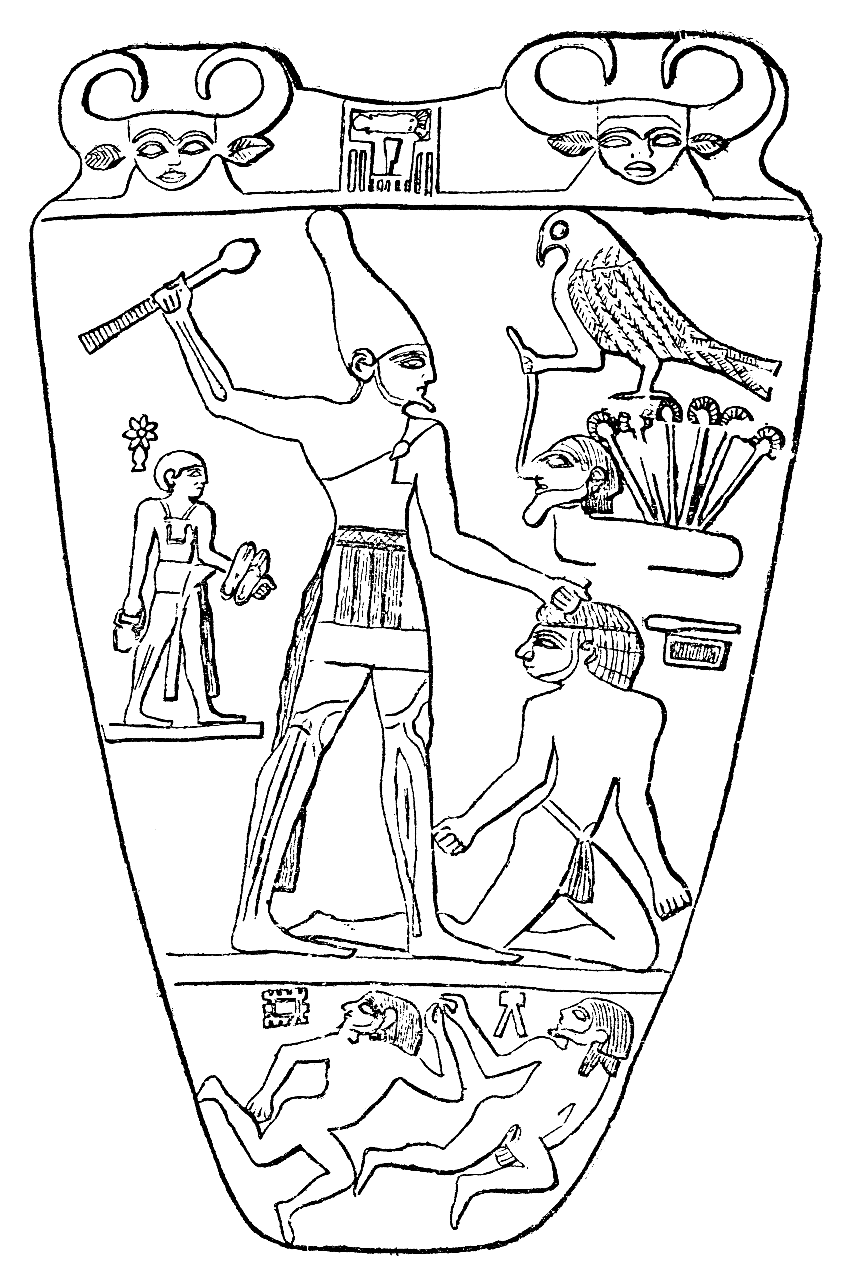

Рис. № 2. Палетка Нармера.

палицу, собираясь поразить его. Это чисто художественное изображение было понятно каждому египтянину без дальнейших пояснений. Но несколько выше над головой поверженного, мы видим другое изображение: из овала, изображающего бассейн, вырастают стебли растения, числом шесть. Бассейн с одной стороны заканчивается головой человека, с профилем, напоминающим профиль стоящего на коленях перед царем. Сквозь его верхнюю губу продернута веревка, которую держит одной лапой сокол, другой лапой попирающий растения, выростающие из бассейна. Эта картина есть уже *символ*, она предполагает некоторое предварительное знание для того, чтобы понять ее внутренний смысл. Водяные растения, выростающие из болота тысячами, мириадами под жарким солнцем Египта, означают число „тысяча"—в данном случае „6 тысяч", по числу листьев. Голова с веревкой в губе означает того-же поверженного врага, которого в нижней картине убивает царь. Сам фараон здесь изображен священной птицей Гора, соколом, так как ведь царь—земное отражение, наследник божественного Гора.

Иными словами, символически картина изображает то же, что и пред'идущая, с той разницей, что здесь помечено уже и *число* поверженных врагов. На оборотной стороне внизу, бык рогами разрушает стену города, могучими копытами сокрушая поверженного человека, двое других с жестами ужаса

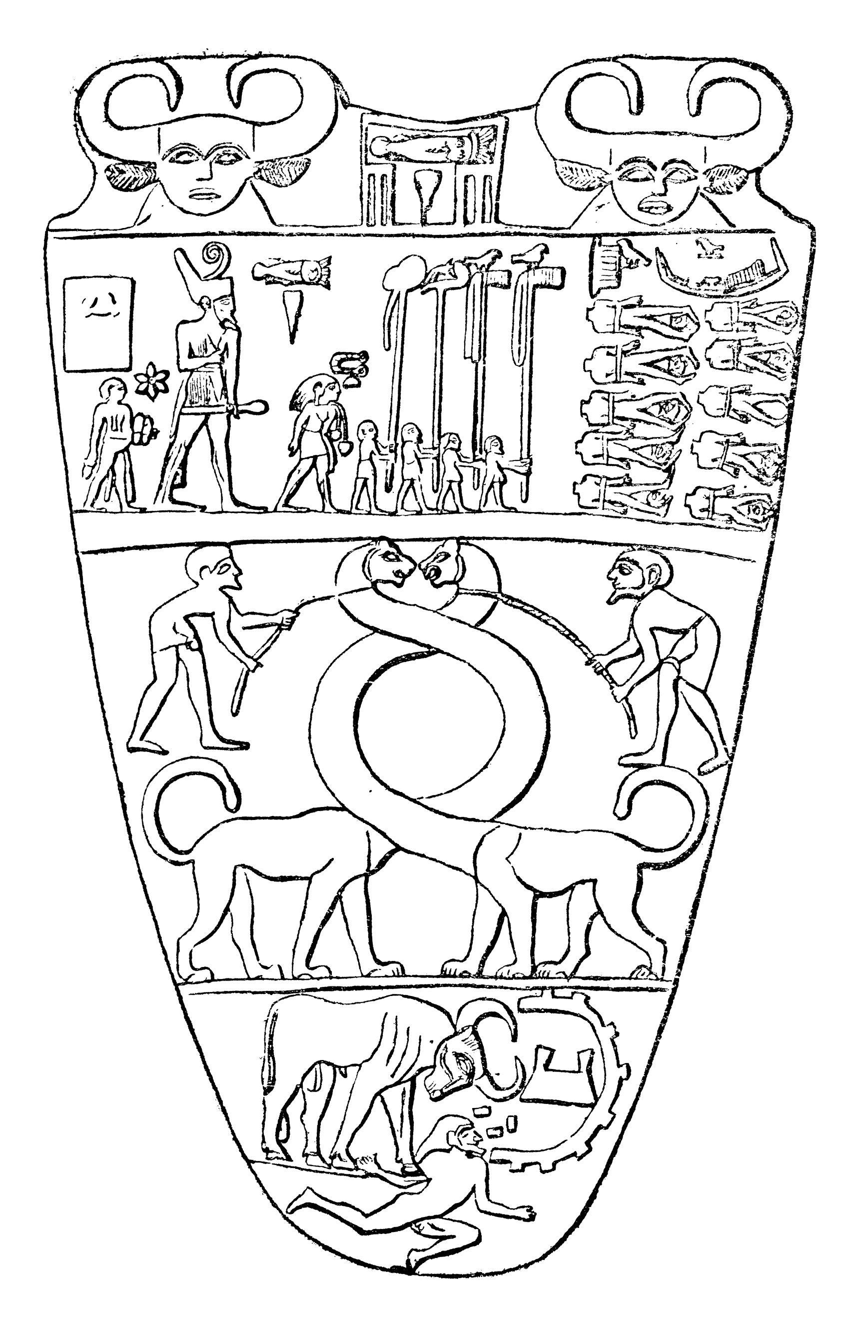

Рис. № 3.
Палетка Нармера.

бегут от крепости (смотри лицевую сторону, внизу). Если вспомнить, что в египетских надписях царь часто именуется „сильным тельцом“, смысл символического рисунка станет нам опять вполне ясным: царь разрушает стены осажденного им города. В верхней части той-же стороны палетки мы видим сцену уже несколько иного характера: царь, в короне Нижнего Египта, шествует, окруженный придворными, — перед ним идет визирь, позади — носитель сандалий. Перед визирем идут четыре носителя штандартов разных областей. Знатные вельможи, визирь и сандаленосец, вдвое меньше царя, но больше носителей штандартов, — символически подчеркнута разница в ранге придворных. Царь шествует по направлению к полю битвы, на котором правильными рядами разложены павшие враги, головы которых помещены между ногами. Вся сцена изображает торжественный момент, когда царь, одержав победу над северянами и возложив на себя корону ижнего Египта, отныне присоединенного к южному рству, в присутствии придворных принимает трофеи битвы.

Итак, Египет знал все три стадии примитивного письма: 1) знаки владения, 2) появляющиеся одновременно с ними художественные изображения видимых предметов и 3) символические изображения, носящие характер наших ребусов. Неудобство последних в том, что во-первых, они предполагают некоторое предварительное знание об изображенных

предметах. Напр., на показанной выше палетке мы узнаем царя и визиря по их аттрибутам: на голове царя—короны Верхнего и Нижнего Египта, над изображением визиря те знаки, которыми его титул писали позже, в историческом Египте и которые мы условно передаем как ṯꜣṯj. Что 6 растений выростающих из бассейна, изображают 6 тысяч, мы знаем, потому что позже этим же листом лотоса изображалась тысяча; что сокол означает царя, известно тоже из надписей более позднего времени.

Второе неудобство символических надписей в том, что они допускают иногда и не одно толкование, что во всяком случае толкование их не является несомненным, что наконец одно и то же содержание, один и тот же смысл может быть выражен разными картинами, как было на разобранной нами палетке царя Нармера.

Выход из этого затруднения в древнейшем Египте нашли скоро: от чисто образного способа передавать свою образную-же мысль очень рано перешли к знакам для слогов и к знакам для отдельных звуков. Новый способ был очень удобен, но потребовал большой работы отвлеченной мысли,—следовало слово разложить на отдельные звуки, из которых оно состоит. Наше современное письмо основано на чисто звуковой системе, чисто звуковой была также система письма древних греков, финикийцев, евреев. Что касается древних египтян, то благодаря

присущему им консерватизму, стремлению во что-бы то ни стало сохранить все созданное их предками, они в своей системе сохранили все стадии развития письма: начертания, изображающие целый предмет, знаки для слогов и знаки для отдельных звуков. Сохранилась у них и древнейшая традиция рассматривать письмо, как рисунок, как декоративный мотив. Иными словами египтяне сохранили еще такой старинный способ, когда рисунок был одновременно и способом выражения мысли и художественным мотивом украшающим предмет, на котором он изображен. Поэтому, когда древний египтянин делал надпись, имеющую вечный характер, где-нибудь на каменной стене храма, в гробнице, на одной из гигантских колонн, или, как можно видеть на огромном каменном саркофаге в египетской зале Эрмитажа, то надпись эта имела назначением не только передать какую-нибудь мысль, но и украсить данный предмет. Поэтому монументальное египетское письмо, идущее обыкновенно справа налево и в вертикальном направлении, может развертываться слева направо и в горизонтальном направлении, как того требуют эстетические соображения данного момента.

Но прежде чем говорить о системе египетского письма и о том, что мы знаем о нем в настоящее время, посмотрим, каким образом подошла наука к разрешению сложного вопроса чтения иероглифов, письмен, секрет которых был, казалось, на

веки утерян еще около двух тысячелетий тому назад.

К тому времени, когда в Греции только что успела сложиться ее блестящая культурная жизнь, Египет был уже страной седой древности, страной пережившей тысячелетия. Энергичные предприимчивые греки, приезжая в Египет, с глубоким благоговением смотрели на памятники, насчитывающие тысячелетия и, по вполне понятной причине, готовы были думать, что Египет является хранителем глубочайших тайн и откровений. Особенно должны были поражать их грандиозные храмы, подобных которым не знала Эллада, не знавшая и жреческого сословия, достигшего в Египте высокого почета и влияния. Великими, чудесными тайнами тысячелетней науки должны были, как казалось эллинам, владеть эти бритоголовые люди в льняных одеждах. В храмах, поскольку они были доступны иностранцу, грек видел на стенах строки знаков, красочных, красивых, но совершенно ему непонятных,—заглядывая в различные канцелярии (Рис. № 4) сложной египетской государственной машины он видел, как из под пера искусных писцов выходили папирусы, исписанные знаками, менее художественными, менее красочными, чем надписи на стенах, но такими же ему непонятными.

Одним из таких туристов—греков, с жадностью профана и любознательностью ученого собиравших сведения о древнем Египте, был Геродот, путеше-

ственник и историк V-го в. до Р. Х. В своем труде он сравнивает родную Элладу и ее обычаи с обычаями египтян, удивляется тому, что у последних все делается наоборот, что напр., „у них женщины посещают площадь и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут“, что „тесто они месят ногами, а глину руками“ и т. п. Сильно поразил его также египетский способ письма: „Эллины пишут и считают“, говорит он, „от левой руки к правой,

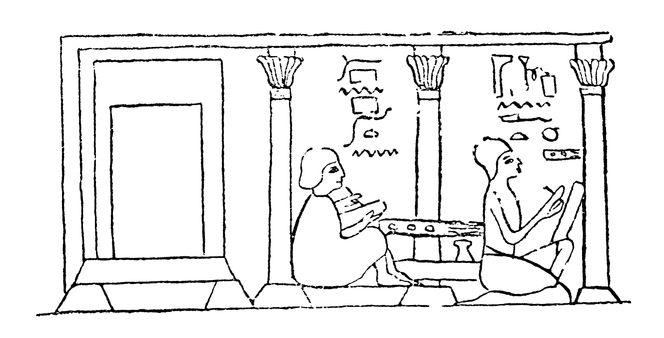

Рис. № 4.
Писцы в канцелярии.

а египтяне от правой к левой, хотя и утверждают, что они пишут к правой руке, а эллины к левой. Египтяне употребляют двоякое письмо: одно называется священным, другое народным, простым. К сожалению, большего о письме египтян Геродот нам не сообщает.

Другой ученый грек, историк Диодор, подтверждает слова Геродота, говоря, что „жрецы обучают детей двоякого рода буквам — священным, известным

одним жрецам и, тем которые служат для выражения обыденных вещей“.

После V-го в. до Р. Х. знакомство с Египтом пошло вообще быстрыми шагами вперед, в особенности после завоевания Египта Александром Македонским. Но знакомства с иероглифической системой это не подвинуло ни на иоту вперед. Причина ясна,— система письма завоевателей-греков была настолько удобнее и проще, что она быстро вытесняет сложные египетские начертания. Правда, во 2-м тысячелетии до Р. Х. в Египте распространяется мода на другую, тоже иноземную систему письма, — вся дипломатическая переписка фараонов 18-ой династии ведется клинописью. Но эта система не удержалась и в народный обиход не проникла вовсе, потому что ничем не была проще Египетской. Иное дело греческий шрифт, который скоро совершенно вытеснил трудную египетскую систему знаков силлабических, фонетических и др.

Иероглифическая система удержалась до IV-го в. по Р. Х.,—последняя надпись этим шрифтом была сделана при императоре Феодосии I, в самом конце IV-го века по Р. Х. Так наз. „народное“, демотическое письмо удержалось до второй половины V в. по Р. Х., но в это время оно, как и иероглифы, практической роли больше не играет, искусственно поддерживается немногими знатоками и любителями старины и слабый след оставляет только в позднеегипетском, коптском языке, где пришлось восполь-

зоваться несколькими знаками „народного“ письма, потому что в греческом шрифте не было соответствующих знаков для некоторых звуков египетского языка.

Окончательно исчезли древние письмена, вероятно, в тот момент, когда христианство, превратившись в государственную систему, смело с лица земли остатки официального язычества и последних жрецов, хранителей древней мудрости. Полтора тысячелетия должно было пронестись над миром, прежде чем древний язык воскрес для нас, как феникс из пепла. Правда, в конце IV в. по Р. Х. ученый египтянин Гораполлон написал книгу „об иероглифах“, но сам он был знаком, очевидно, только с поздними текстами, в которые он вкладывал мистическое и символическое толкование, окончательно запутавшее дорогу к правильному пониманию древних надписей. Верное предание о древней системе письма сохранил один из отцов церкви, Климент Александрийский, согласно которому египетское письмо делится на „γράμματα ἱερογλυφικά“, т.е. „священные“ высеченные на камне знаки, „γράμματα ἱερατικά“ — просто „священные знаки“ и „γράμματα ἐπιστολογραφικά“, т. е. буквы, употреблявшиеся для скорописи позднего времени, той скорописи, которую мы называем „демотическим“, „народным“ письмом. Позднее—египетский язык, язык египтян-христиан, под именем коптского, просуществовал до XVI-го, даже до XVII-го века по Р. Х. По крайней мере еще в 1673 г.

один путешественник видел в Сиуте 80-ти летнего старика, последнего, который владел еще коптским языком. Египет забыл родной язык и стал говорить по арабски, и только в церковном обиходе древний язык сохранился до наших дней. Православный копт служит в церкви на древнем языке, как делает современный еврей, пользующийся для богослужебных целей древне-еврейским языком, как делает это католик, служащий службу на „мертвом“ латинском языке, как делает это, наконец, православный русский, употребляющий церковно-славянский язык для церковного обихода.

Но, если язык древнего Египта умер, если был потерян ключ к пониманию его, это не значит, что умер также интерес к древней стране пирамид, к языку ее письменности. Наоборот, по странному противоречию человеческой природы, именно теперь все связанное с древней письменностью приобрело особый интерес. Попытки дешифрировать древние надписи делались неоднократно, но все они давали жалкие результаты, во-первых потому что в Европе не было хороших снимков с иероглифических письмен, во-вторых потому—что исследователи шли неверным путем, и, наконец, в силу крайне недостаточного знакомства с остатками древней культуры. На протяжении многих лет Египет был предметом усиленного внимания Европы, но благодаря политическим условиям он был почти недоступен исследователям. Древними саркофагами, которые мы теперь так тщательно

храним в наших музеях, потомки египтян долгое время топили свои печи, а тысячелетние мумии ценились у аптекарей Западной Европы на вес золота, потому что в толченом виде они считались целебным средством.

Поворотным пунктом в истории изучения древнего Египта был 1798 г. Весною этого года молодой генерал французской республики Наполеон Буонапарте произнес в заседании Institut de France горячую речь, в которой обращал внимание присутствующих на то, какие надежды возлагает Франция, возлагает вся Европа на предстоящий поход французской армии в Египет. Еще философ Лейбниц мечтал некогда о возрождении Египта. Наполеон вполне оценил все его огромное значение, как громадной житницы и одного из важнейших этапов пути на восток и, собираясь нанести удар противнице Франции — Англии, порешил воскресить и осуществить идею философа Лейбница.

В походе его должны были сопровождать ученые, целью которых было описание и изучение страны и ее памятников.

Экспедиция Наполеона кончилась в военном отношении неудачей, но при траншейных работах в 1799 г., в семи километрах от города Розетты, офицер генерального штаба Bouchard натолкнулся на сильно поврежденную каменную плиту с двухязычной надписью сделанной тремя шрифтами—греческим, демотическим и иероглифическим. Надпись содержала постановление жрецов в честь вступления

на престол молодого царя Птолемея Епифана от 27-го Марта 196 г. до Р. Х. Молодой царь осыпал храмы милостями, смягчил подати, упорядочил вопрос о храмовых доходах, простил недоимки; во время смут и войны заботился, чтобы храмы не терпели невзгод, заботился о священных животных. И за все эти милости жрецы постановили почтить его и его предков, воздвигнуть ему статую рядом с изображением верховного божества, приставить особых жрецов к обслуживанию его священного изображения, провозгласить храмовыми праздниками дни его рождения и восшествия на престол... Этому *Розеттскому камню* (Рис. № 5) суждено было стать краеугольным камнем новой науки египтологии. Он был выставлен в Египетском институте в Каире, затем по договору 1801 г. Франция принуждена была уступить его Англии и генерал Гётчинсон увез его в Лондон, где этот прадед египтологии хранится и по наши дни.

Но прежде чем перейти к тому, как прочли первый связный текст и как мы в настоящее время читаем египетские надписи, следует остановиться на биографии того человека, имя которого неразрывно связано с Розеттским камнем, вообще со всей египтологией, потому что человек этот открыл в изучении древности новую эру и в научном отношении сделал то же, что Колумб, т. е. открыл миру новую страну. Имя этого человека *Франсуа Шампольон.*

Семья Шампольонов родом из Дофине во Франции. Отец его, женившись, поселился в городке Фижаке,

неподалеку от города Гренобля. Там он открыл книжную торговлю и вскоре купил дом, принадле-

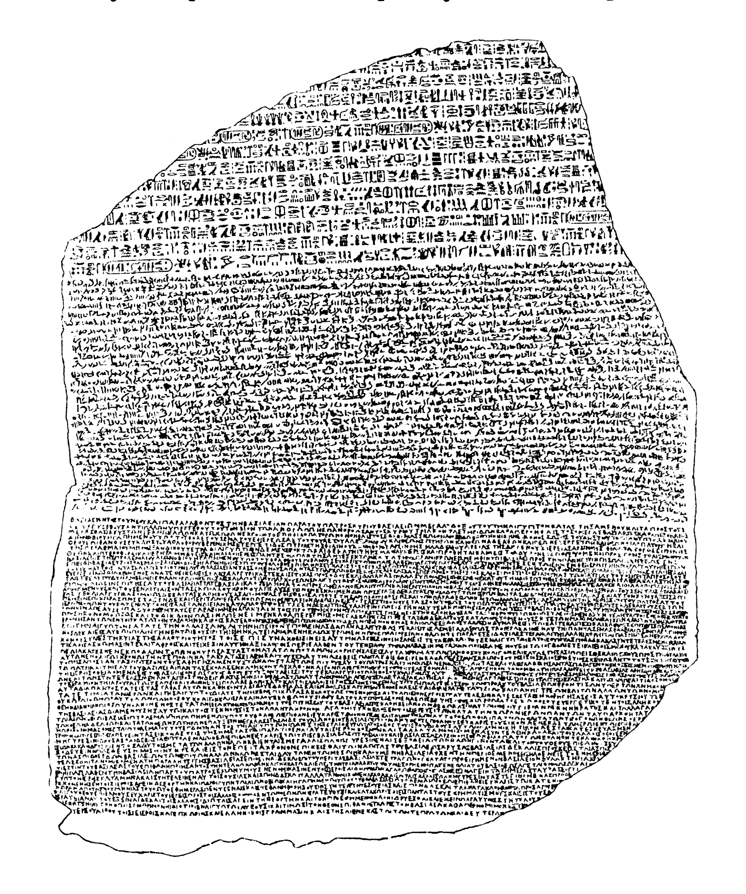

Рис. № 5.
Розеттский камень.

жавший некогда знатному рыцарскому роду. Дом этот и поныне стоит на темноватой, узкой улице de la Boudousquerie.

Рождение младшего сына семьи, Франсуа, совпало с исключительным временем во Франции, во многом напоминающем ту историческую обстановку, в корой живем мы в настоящее время,—это была эпоха великой французской революции. По семейному преданию Шампольонов, мать Франсуа в начале 1790 г. захворала настолько тяжело, что врачи приговорили ее к смерти. Отец Шампольона в отчаянии прибег к помощи соседа, слывшего знахарем. Тот в несколько дней поставил на ноги больную наварами из трав и на прощанье предсказал 43-летней госпоже Шампольон, что у нее родится сын, слава которого переживет века. Действительно, 23-го декабря 1790 г. у четы Шампольон родился сын, Франсуа.

Какова же была обстановка, в которой рос ребенок, появившийся на свет при таких чудесных предзнаменованиях? — Старинный городок Фижак лежит на юге Франции, но так как за ним начинается под'ем Овернского плоскогория, то местность около города имеет более суровый климат по сравнению с благодатным югом Франции. В связи с этим и характер населения отличается большей суровостью, неукротимой выдержкой и настойчивостью в преследовании цели. Жители городка одними из первых примкнули к движению 1789 г. Отец маленького Франсуа сделался впоследствии одним из начальников коммунальной полиции. Прямой и честный, он, несмотря на умеренность своих убеждений, добился уважения властей, что давало ему возможность

оказывать помощь и давать приют гонимым. В 1793 г. для Фижака наступили трудные времена. Как было сказано выше, население, примкнувшее первым к революционному движению 1789 г., долго не хотело подчиниться крайним идеям якобинцев. Поэтому система террора, введенная в Фижаке 21-го апреля 1793 г., особенно сильно отозвалась на городе. Дело дошло до того, что жителей строго карали за празднование воскресенья и тот, кто осмеливался в праздник появиться на улице в новом платье или без орудий своего ремесла, подвергался преследованию закона. Как и в других местах Франции, на площади Фижака, неподалеку от дома Шампольонов было посажено „дерево свободы", вокруг которого справлялись шумные праздники. В то же время, в доме Шампольонов, этом убежище гонимых, лились слезы и раздавались сетования на тяжелые времена. Маленький Франсуа, которому шел уже 3-й год, развитой не по летам ребенок, рос под этими двумя противоположными впечатлениями. Что проносилось в его детском мозгу—трудно сказать, но некоторые факты характеризуют его, как необычайно своеобразного ребенка, с богатыми задатками. Однажды, когда ему было едва три года, мать хватилась его во время сильнейшей грозы. С трудом разыскали его наконец на чердаке, сидящим у одного из настежь открытых окон, протянув руки и закинув голову к небу. „Je voulais attraper un peu de ce feu du ciel" („я хотел поймать огонек с неба"), спо-

койно заявил он перепуганной матери. По ночам он любуется звездами, стараясь „научиться их языку“. Если бы не здоровый дух ребенка, эти исключительные способности могли бы оказаться роковым даром для него,—мать возлагала все свои надежды на ребенка и нисколько не скрывала этого от него. Вдумчивый и наблюдательный, маленький Шампольон любил очень делиться своими впечатлениями, умел по детски без умолку болтать, сыпля меткими сравнениями, остроумными выдумками. Над камином в его родительском доме красовался еще старинный герб быших владельцев дома—щит с двумя львами.

Однажды он заявил домашним, став под гербом: „voici un lion de plus au champ aux lions“,—здесь трудно переводимая игра слов: „lion“ по французски означает „лев“ и это же слово—детское прозвище Франсуа, сокращенное из его фамилии—Champol — lion; „champ“ означает поле герба, вместе с тем по созвучию конец фразы, „Champ aux lions“— „герб со львами“, напоминает фамилию Champollion; а если понять всю фразу иносказательно, то она означает: „а вот и еще лев в гербе со львами“. Наряду с детским остроумием, веселостью и добротой, Франсуа отличался вспыльчивостью в те моменты, когда в его присутствии делали что-нибудь, что шло в разрез с его детскими представлениями о должном. Однажды он шел с матерью по улице мимо старого нищего, сидевшего на пороге дома, протянув больные ноги в полосу горячего солнечного света. Шам-

польон получил от матери монету и подбежал подать ее нищему, осторожно обходя ноги старика. Мимо проходил в это время один из влиятельных в городе, известных своей суровостью якобинцев: тростью он ударил нищего по ногам, чтобы заставить его встать. Франсуа с яростью бросился къ нему, сжав кулаки, так что мать едва успела схватить его за руку. „Ах ты дрянная палка!“ крикнул Франсуа, грозя трости якобинца, „слушаешься дурного человека, вместо того, чтобы отколотить его самого!“ „Гражданка, подстригите вашему птенцу клюв и когти“, сказал якобинец перепуганной матери, „чтобы не пришлось это сделать другим“.

С 5 лет Франсуа стал убегать к отцу в книжную лавку. Здесь ему попался в руки молитвенник, точь в точь такой же как у его матери. Молитвы он успел еще раньше заучить наизусть, со слов матери. Теперь он попросил отца показать, на какой странице находятся те, которые он уже знает, и без дальнейшей помощи кого бы то ни было, играя, выучивается в 5 лет бегло читать, с семи лет он начинает систематически заниматься со своим старшим братом Жаком-Жозефом. По вечерам Жак-Жозеф играл обыкновенно на скрипке и Франсуа способен был часами заслушиваться его игры. В это же время впервые маленький Франсуа услышал о Египте. Готовилась экспедиция Наполеона, по политическим причинам облеченная, конечно, строжайшей тайной. Двоюродный брат молодых Шампольонов

должен был принять участие в этой экспедиции и надеялся пристроить также и Жака-Жозефа. Потихоньку, только в стенах родного дома осмеливался этот последний мечтать о путешествии в чудесную страну тысячелетней культуры и таинственных надписей. Поверенным 19-ти летнего юноши был его маленький брат Франсуа, и тут впервые засияло ему заманчивым блеском тайны слово „Египет“. Из поездки Жака-Жозефа ничего не вышло, он принужден был взять место в Гренобле в богатой оптовой торговле. Франсуа тяжело переносил разлуку с любимым братом, тем более, что его просыпающийся ум жаждал духовной пищи. В 1798 г. родители решили отдать его в школу. Начало было плачевно, — живой, развитой ребенок возненавидел сухую учёбу, особенно арифметику и совсем не оправдал блестящих надежд матери, заняв в классе место одного из самых последних учеников. По счастью дома он находит скоро прекрасную замену школе: в доме родителей живет престарелый ученый бенедиктинец, отец Calmet. Прогуливаясь с ребенком по улицам Фижака, отец Calmet рассказывал ему о днях былой славы города, посвящая мальчика в отечественную историю; в окрестностях Фижака они вместе собирают растения, насекомых, наблюдают жизнь животных и чуткий ребенок, наряду с основами естественных наук, знакомится с природой в ее целом, научается любить ее красоту. Девяти лет Франсуа, по собственному настоянию, начинает

учиться греческому и латинскому языку и продолжая в школе числиться одним из самых плохих учеников, дома зачитывается уже Гомером и Вергилием.

В 1801 году старший брат взял его к себе в Гренобль и поместил в один из лучших интернатов города, к аббату Dussert, откуда Франсуа ходил в так называемую „центральную школу", создание революции, отличавшуюся очень широкой программой и свободой выбора предметов для учеников. Здесь проявились вновь блестящие способности ребенка, его вкусы и склонности. Ему исполнилось едва 11 лет, когда он упросил аббата Dussert разрешить ему учиться древне-еврейскому языку, чтобы прочитать в подлиннике Библию и с помощью этой книги, древнейшей в мире, как он думал, проверить хронологию древних народов.

В то же время старший брат Франсуа получил возможность познакомиться со знаменитым физиком и математиком Жозефом Фурье, участником Наполеоновской экспедиции в Египет, с богатыми коллекциями, вывезенными им из Египта, и с подготовительными работами к изданию знаменитого „Описания Египта" („Description de l' Egypte"). Жак-Жозеф просил у Фурье разрешения представить ему маленького брата. От смущения и волнения Франсуа не мог совершенно говорить и при каждом вопросе Фурье боязливо отступал и прятался за брата. С жадным вниманием разглядывал он однако, несмотря на свое смущение, куски папирусов, древности,

и впоследствии он сам рассказывал, что именно во время этого посещения Фурье, решилась его судьба,— он не только почувствовал непобедимое *желание* прочесть когда-нибудь древние надписи, но и полную *уверенность*, что рано или поздно это ему удастся. А в ожидании момента, когда ему удастся проникнуть в тайну египетских письмен, он неутомимо работал над любимыми предметами в школе, увлекался „жизнеописаниями великих людей“ Плутарха, писал, вероятно, в подражание ему „Историю знаменитых собак“, начиная с собаки Одиссея, составлял „хронологию от Адама до Шампольона младшего“. В 1804 г. брат поместил его на казенную стипендию во вновь открывшийся лицей, школу, построенную по военному образцу, где воспитание велось под дробь барабана, где любимые Шампольоном история и филология—наука о языке—были в загоне, где процветали математика, логика, физика. Франсуа возненавидел новую школу и только любовь к брату удерживала его и заставляла подчиниться суровой муштровке Наполеоновского режима. В 1807 г. он сдал окончательные экзамены и мог распрощаться с ненавистным лицеем. Рассказывают, что в момент получения диплома он от радостного волнения упал в обморок. По окончании лицея молодой Шампольон отправляется в Париж. План дальнейших занятий ему был совершенно ясен: надо было изучить живой язык современного Египта, т. е. арабский, ознакомиться основательно с коптским, этим наиболее

молодым ответвлением древне-египетского языка, заняться персидским, санскритским языком, китайскими письменами. Ради осуществления своего плана он по приезде в Париж поступает во-первых в школу живых восточных языков (Ecole spéciale des langues orientales vivantes), а во-вторых записывается в Collége de France. Работа наладилась у него сразу, причем все свои досуги он посвящал еще занятиям в Парижской Национальной Библиотеке, грандиозном учреждении, пополнившимся за время революции громадным количеством книг и рукописей, поступивших сюда после конфискации имущества монастырей и эмигрантов. Шампольон снова и снова пытается проникнуть в секрет чтения египетских надписей. Ему удается добыть слепок с Розеттского камня и уже к Августу 1808 г. он с гордостью пишет брату, что сделал крупный шаг вперед: в основе всех египетских надписей, говорит он, лежит одна и та же система, таким образом, иератический, иероглифический и демотический шрифты отличаются друг от друга также, как наш печатный шрифт от упрощенной скорописи. И тут же он высказывает предположение, оправданное современной наукой, что в основе финикийского шрифта лежит египетский. И в то же время, как он, так сказать, уже стучится в запертую дверь вековой тайны, материальное положение его плохо. „У меня нет ни единого су, я едва могу позволить себе роскошь вычистить сапоги, заплатить за письма, которые

получаю... Хозяйка ежедневно требует уплаты за квартиру, я беден как поэт, я немножко беднее еще, чем очень беден. Умоляю тебя выслать мне немного денег“, пишет он брату. Через некоторое время он пишет снова: „вот и наступил день, когда хозяйка решила, наконец, что пора выставить меня за дверь, потому что я не плачу. Это и правильно“... Даже в гости пойти он стесняется, до того плох его костюм. Необходимость по грязи в сырую, холодную зиму ходить в плохой обуви, непрекращающаяся простуда, частое недоедание, подтачивали и без того некрепкое здоровье молодого ученого, тем более при напряженной умственной работе, которую он нес: достаточно сказать, что за короткий промежуток времени в какие-нибудь два года он закончил первую часть своего большого исторического труда „Египет при фараонах“ („l'Egypte sous les pharaons“), написал историю религии древнего Египта, Географию Египта и Грамматику фиванского диалекта. Одновременно с этим он вполне овладел арабским языком; благодаря его смуглому лицу, арабы, бывавшие в Париже, часто принимали его за земляка, и он сам рассказывал, как один из них отвесил ему по всем правилам арабской вежливости „салаам“, Шампольон ответил ему по арабски, и они до тех пор обменивались восточными любезностями, пока кто-то не раз‘яснил недоразумение.

В 1809 г. Шампольон возвращается в родной Гренобль уже в качестве профессора философского

факультета по кафедре восточных языков. Ему было всего 19 лет и хотя год спустя он получает степень „доктора словесности“ (docteur des lettres), но старшие товарищи относятся к молодому профессору крайне недоверчиво, ставя ему в вину его чрезмерную молодость, обвиняя его в якобинстве с одной стороны, а с другой, в уклонении от воинской повинности, благодаря чему гениального юношу чуть было действительно не отправили в Испанию с линейным полком. Владея отлично арабским, персидским и санскритским языками, молодой профессор только первый час лекции посвящал изложению курса; второй час посвящался свободным дискуссиям со слушателями, которых он надеялся так приучить к разумной критике. Параллельно с лекциями Шампольон продолжает работу над коптским языком, собирает словарь коптских слов, работает дальше над своей грамматикой фиванского диалекта, не оставляя мысли при помощи коптских надписей прочесть, наконец, древнеегипетский,—„это тот же язык, та же конструкция, те же обороты речи, только внешняя форма иная“, говорит он о коптском языке. В Августе 1810 г. он представляет в Академию записку, в которой высказывает предположение, вполне оправдавшееся позже, что иероглифы являются не только изображениями понятий, но и знаками для звуков, фонетическими знаками, соответствующими нашим буквам. И тут же он приходит к другому, совершенно верному по существу заключению, что в египетских

именах, глаголах и прилагательных нет особых окончаний, что грамматические изменения производятся при помощи префиксов и суффиксов, что такими окончаниями служат звуки i, к, т, с, ф и оv. И та же работа над коптским словарем приводит его к заключению, что „во всем египетском языке есть только один глагол—вспомогательный, который в соединении с несколькими предлогами дает всем другим глаголам бесконечное количество форм. Чтобы познакомиться со всеми другими глаголами, достаточно изучить вспомогательный глагол, четыре или пять предлогов и слово, означающее „любить, пить, плясать и т. д.“...

Одновременно с проработкой коптского языка Шампольон работает и в области египетской археологии и впервые точно устанавливает, что так называемые „канопы“ ничто иное, как вазы для хранения набальзамированных внутренностей покойного.

В 1812 г. Наполеон предпринимает поход в Россию. Резко—отрицательно относится Шампольон к новому кровопролитию: „лучше обработать 6 вершков бесплодной земли, чем выиграть 24 сражения, говорит Зенд-Авеста, и я того-же мнения“, пишет он по этому поводу. Разгром армии Наполеона, отречение его от престола, удаление на остров Эльбу, реставрация Бурбонов, попытка Наполеона вернуть власть, сто дней и окончательное падение империи быстро последовали одно за другим. Возвращаясь с Эльбы в период „ста дней“, Наполеон был в Гренобле и Шампольон докладывал ему о своей

коптской грамматике и словаре: Наполеон мечтал воскресить коптский язык, сделать его языком Египта, поэтому он предложил Шампольону напечатать его труд в Париже; за новой военной грозой проект этот не был осуществлен, но впоследствии враги Шампольона с'умели использовать его сношение с Наполеоном, чтобы оклеветать его. Белый террор коснулся и Гренобля, там „остаются только изгнанники или изгоняющие“, с грустной иронией говорит Шампольон. Сам он с братом был выслан в Фижак „под непосредственный надзор“, и хотя в 1817 г. получил разрешение вернуться в Гренобль, но университетская деятельность его была надолго приостановлена. Живая, активная натура молодого ученого требует деятельности и Шампольон на долгое время погружается в педагогическую деятельность, организовывая школы по модной в то время Ланкастерской системе. „Мои книги спят!“ с горечью говорит он, „школа отнимает у меня все силы, работы у меня выше головы и все-таки я успеваю сделать только необходимейшее. Я превратился в настоящего галерного раба“. В этих словах вылилась вся его тоска по любимой науке, по работе ради осуществления поставленной цели. Наконец, в 1821 г. он получает возможность вернуться в Париж. Больной, измученный дорогой, приезжает он сюда и только уверенное заявление брата: „ты должен, ты будешь жить!“ способно розогнать его мрачное настроение и предчувствие ранней смерти.

По приезде в Париж Шампольон снова берется за работу над Розеттским камнем, неоднократно прорисовывает его и настолько осваивается с текстом, что по догадке правильно совершенно выискивает числа и знаки множественного числа. В иероглифической части он встретил несколько групп знаков, обведенных овалом (картуш);—и вот он высказывает предположение, что в этих картушах заключаются царские имена и тут-же высказывает догадку, что имена чужестранных для Египта царей должны были писаться *фонетически*, т.-е. каждому *знаку* в этом начертании соответствовал *звук*. Он думает, что иероглифы вовсе не являлись *тайнописью*, что они вовсе не были так трудны, чтобы не быть понятными всем желающим и вместе с тем решительно отвергает мнение многих о чисто-декоративном характере иероглифов, — их назначение, полагает он, не только *украшать* тот предмет, на котором они написаны, но служить также знаками для передачи мысли. Первоначально он готов был полагать, что иероглифы являются вообще знаками силлабическими, т.-е. всегда означают какой-нибудь целый слог, но уже в 1813 г. наличность в коптском языке префиксов и суффиксов, состоявших из одного только звука, а следовательно и из одной буквы, заставляет его признать в египетской грамоте наличность чисто-фонетических, чисто-звуковых иероглифов не только для иностранных имен. И наряду с силлабическими и фонетическими знаками

он признает в тех же надписях наличность некоторого количества иероглифов, изображающих целые слова. В 1818 г. он, не умея еще прочесть ни одного египетского слова, правильно определяет знак , как чисто-звуковой местоименный суффикс, указав и все формы, которые этот знак принимал в иератических надписях, в демотических, и, наконец, в коптских. Правильность этой догадки была установлена лишь полстолетия спустя.

Рассматривая изображение на саркофагах, он отмечает, что одни и те же картины сопровождаются то иероглифическим, то иератическим текстом, и к 1821 г. ему удается уже подставить совершенно точно под каждый иероглифический знак этих надписей соответствующий иератический знак.

Очень важно отметить, что работа над дешифровкой иероглифов велась в это время и в Англии и там знаменитый физик Томас Юнг, вполне независимо от Шампольона высказывает предположение, что в картушах Розеттского камня должно встретиться имя царя Птолемея, упоминаемое в греческой части. Но, став на совершенно верный путь, Юнг до конца работы не довел....

Шампольон пробует подсчитать все количество знаков в египетской части надписи,—их оказывается 1419 на 486 букв греческой части. Следовательно речи не может быть о том, что все эти знаки являются идеограммами, т.-е., что каждое из них

передает целое понятие. Он производит новый подсчет иероглифов Розеттского камня, выбирая только основные,—их оказывается 166, т.-е приходится отбросить и другую мысль о чисто-звуковом, буквенном характере этих знаков. Опираясь на полученные выводы, он пытается прочесть имена, заключенные в картушах, и первым разбирает имя Птолемея (Рис. № 6), допустив здесь однако некоторую ошибку: фигуру лежащего льва, чисто-фонетический знак, он пробует об'яснить как символический, как знак, войны, связывая его с греческим значением имени Птолемея—воинствующий. Пробует он иероглифами передать имя Клеопатры, но для него ему не хватало еще знания некоторых знаков. Тогда он принимается за другую работу,—собирает все известные ему греко-египетские имена, пробует передать их иероглифическим, иератическим, демотическим и коптским шрифтом. В 1822 г. он получил копию надписи на обелиске из Филе с именем царицы Клеопатры в картуше (Рис. № 7). Он сразу узнал это имя к великой своей радости: во-первых, оно подтвердило ему чтение имени царя Птолемея, во-вторых он нашел несколько новых знаков, наконец на этом же имени он понял, что *египтяне не выписывают гласных букв*, также как делают это

Рис. № 6.
Картуш с именем Птолемея.

евреи и арабы. В имени Клеопатра, в конце стоит знак ⌓ сопровождаемый иероглифом 𓆇, причем оба являются совершенно лишними для прочтения самого имени. Шампольон верно угадывает, что это—женское окончание. Теперь, вооруженный опытом и целой группой достоверно известных ему знаков, он приступает к чтению целой серии имен в картушах греко-римской эпохи. Оказывается, что не все являются именами, что некоторые из них—титулы, переведенные с латинского на греческий и переданные иероглифами: греческое autocrator было переведено с латинского imperator, sebastos— augustus и т. п. Ему удается подобрать для всех звуков греческого алфавита их египетские параллели: кроме того он находит и так называемые „омофоны“, т.-е. одинаково звучащие буквы (напр. đ и đ̱, S и ś и т. д.). В то же время он открывает и так назыв. „детерминативы“, знаки-определители целого слова. Но это все касалось чтения очень поздних имен и о чтении более древних текстов он не помышлял еще. Но как всегда бывает, после долгих упорных трудов, после ряда ошибок, разочарований, после страшного умственного напряжения, последнее открытие пришло как озарение свыше.

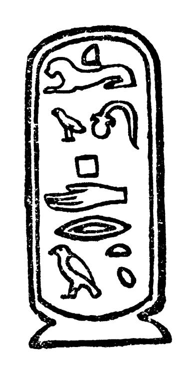

Рис. № 7.
Картуш с именем
Клеопатры.

14-го Сентября 1822 г. Франсуа Шампольон, перебирая утром свои бумаги, внезапно прочитал

в одной из иероглифических надписей имя царя 19-ой династии Рамзеса II, и рядом с именем Шампольон прочитывает и прозвище Рамзеса II— „возлюбленный богом Амоном“, „избранный богом Амоном“. (Рис. № 8). Ключ ко всей системе найден, с глаз Шампольона точно спадает завеса, он внезапно убеждается, что *единая* система письменности царила в Египте не только при Птолемеях, но что она восходит ко временам за 1000 и более лет до Р. Х. Любопытно, что именно к Рамзесу II Шампольон питал всегда какое-то особенно благоговейное чувство и что именно его имя было первым, окончательно убедившим его в правильном ходе его работы. Глубоко взволнованный, он бежит к брату, торопясь поделиться с ним открытием. Со словами „Je tiens l'affaire!“—„дело сделано!“—он бросает на стол перед братом пачку бумаг с копиями надписей и своими об'яснениями и вслед затем падает в глубоком обмороке. Немудрено, что слабое здоровье не выдержало потрясения,—ведь это был момент, когда родилась новая наука—*египтология*, момент, когда гениальному молодому французу удалось силой не оружия, но великого ума и самоотверженной любви к знанию открыть миру громадную область прошлого человечества.

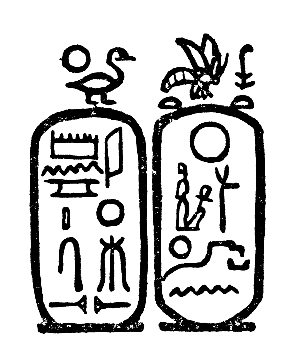

Рис. № 8.
Картуши Рамзеса II.

После ряда войн конца XVIII и начала XIX в. в., потрясших весь мир, проливших потоки крови и погубивших тысячи жизней, совершилось одно из величайших бескровных завоеваний, силой не оружия, а мощи человеческого гения, не разрушающего, а созидающего.

22-го Сентября, едва оправившись от своего глубокого потрясения, молодой ученый посылает Dacier, непременному секретарю Парижской Академии Наук, письмо с изложением своего открытия и с просьбой разрешить ему прочесть о нем доклад в заседании Академии. 27 Сентября состоялось это историческое заседание, на котором Шампольон с полной ясностью и убедительностью доказал, что иероглифическая система была построена на той-же основе, что и в последние времена своего существования, что сущность ее заключается в одновременном пользовании как знаками, изображающими целые понятия—идеографическими, так и знаками чисто фонетическими, т.-е. чисто звуковыми. Правда, он отнюдь не отказывается от своей первоначальной мысли, что египетское письмо *в основе* является все-таки чисто идеографическим: „нельзя, говорит он, рассматривать фонетическое письмо египтян, безразлично иероглифическое или демотическое, как такую-же неизменяемую „строго фиксированную“ систему, как наши азбуки. Египтяне привыкли изображать непосредственно свои мысли: изображение звуков в их идеографическом письме было лишь вспомога-

тельным средством, и когда явилась необходимость чаще прибегать к нему, они постарались развить способы выражать звук рисунком, отнюдь не отказываясь от идеографических знаков, освященных религией, обычаем и длинным рядом веков". В этом же докладе Шампольон высказывает и еще ряд мыслей, намечая, так сказать, весь дальнейший ход работ в области египетского языка. „Египетские надписи", говорит он, „близки финикийским, еврейским, сирийским, арабским куфическим и современным арабским,— письменам, которые можно назвать азбучными лишь в половину, потому что они представляют глазу лишь скелет слова, согласные и долгие гласные, предоставляя заботам самого чтеца подстановку коротких гласных". Раз'яснив, как, по его мнению, египтяне для изображения звуков приспособили иероглиф предметов, названия которых начинались с того именно звука, который им надо было изобразить, он заканчивает знаменательными словами: „Я убежден, что одни и те же иероглифические фонетические знаки, употребленные, чтобы изобразить греческие и латинские имена собственные, употреблялись также и в идеографических текстах, начертанных задолго до появления греков... что и тогда они употреблялись для изображения названий городов, стран, народов, царей или чужестранцев, которых нужно было отметить в исторических текстах.... и, наконец, что в основе всех азбук народов Западной Азии лежат как образец египетские".

В заседании 27-го Сентября 1822 г. присутствовали Томас Юнг, знаменитый английский физик, до известной степени предшественник Шампольона в дешифровке иероглифов, и немецкий ученый Александр Гумбольдт, живо интересовавшийся работами и Юнга и Шампольона. Таким образом, не только Франция, но и Англия и Германия в лице своих лучших представителей могли приветствовать рождение новой науки.

Собственно вся дальнейшая жизнь Шампольона является ничем иным как историей развития новой науки. События личной жизни его все так тесно переплетаются с его научной деятельностью, что говорить о них отдельно не приходится. Настойчивый, неукротимый в преследовании своей цели, открытый, прямой и честный, с раннего детства усвоивший великие идеалы своей великой эпохи, Шампольон никогда не давал „подрезать себе клюва и когтей, как выражался он сам, вспоминая происшествие детства с якобинцем и может-быть своей прямолинейностью наживал себе многочисленных врагов. Великий ученый, он, как настоящий сын своего времени, был и великой душой, никогда не умевшей отвернуться от жизни ради одного кабинетного труда. Перед этим полиглотом, свободно владевшим пятью древними языками — греческим, латинским, еврейским, арабским, коптским, не считая новых языков, читавшим санкритские, китайские, зендские письмена, открывшим чтение иероглифов,

меркнет слава „трех'язычного чуда“ Рейхлина, и тем не менее этот молодой француз до известной степени напоминает гуманистов эпохи реформации; как и они, он с'умел науку вывести из схоластической замкнутости кабинета, с'умел привлечь к ней умы всего культурного мира. Годы, следующие за великим открытием, Шампольон посвящает усиленной работе над коллекциями египетских древностей в Турине, куда он был приглашен в качестве специалиста. И если в Париже он заложил прочный фундамент знакомства с языком, то здесь он закладывает основание истории древнего Египта, „глазами которой являются хронология и география“, по его собственному выражению. Он первый и определил и оценил по достоинству богатейший исторический материал Туринского собрания папирусов, где ему удалось выискать ряд новых исторических имен. И одновременно он работает и в области египетского искусства, высказывая бегло, вскользь мысли, всю глубину которых мы осознали лишь теперь, сто лет спустя. Одновременно он хлопочет о приобретении для Франции коллекций древностей, прибывших в Ливорно, и в то же время успевает, путешествуя по Италии, читать для желающих лекции по истории древнего Египта. В Италии молодой ученый встречает всюду радушный прием: итальянская аристократия слушает его лекции, папа пытается привлечь его навсегда в Италию предложением кардинальской шапки, сардинское правительство предлагает ему на-

турализоваться и занять кафедру в Турине, соблазняя перспективой экспедиции в Египет. Шампольон отказывается от этих лестных предложений и принимает назначение консерватором во вновь открывающееся египетское отделение в Лувре, тем более, что отчасти под влиянием покровительства Людовика-Филиппа Орлеанского (впоследствии короля) изменяется отношение к нему во Франции, смолкают на время голоса его врагов. Комическое впечатление производит в это время выступление некоторых представителей французского духовенства, забеспокоившихся, когда Шампольон подошел к изучению 18-ой династии в Египте. Это была своего рода запретная граница, своего рода „табу", по ту сторону которой лежала эпоха между Авраамом и всемирным потопом, эпоха которой не следовало касаться такому свободомыслящему как Шампольон.

В 1822 г. исполнилось заветное желание Шампольона: новая наука возбудила такой горячий интерес всего культурного мира, что французское правительство совместно с тосканским организует экспедицию в Египет, и во главе его предлагает стать Шампольону. Отплыть предполагалось в сопровождении военного корабля, ввиду небезопасности плавания из-за политических осложнений. Исследовать Египет предполагалось не только с археологической и исторической стороны, предполагалось изучение флоры и фауны древней страны, поэтому в Италии к экспедиции присоединился естествоиспытатель,

профессор Радди. Плавание до берегов Египта совершилось без больших событий. Пришлось пережить порядочную качку, поволноваться при встрече с неизвестным кораблем, но, как писал брату Франсуа Шампольон, „египетские боги хранили их“ и через 19 дней, 18 Августа 1828 г. Шампольон вступил в Александрию на египетскую почву. По окончании разных формальностей экспедиция тронулась в путь вверх по Нилу. Кажется не было стороны жизни древней страны, которая не привлекала бы внимание Шампольона: флора, фауна, разливы Нила, быт современных жителей, отличие говоров севера и юга, древности, — все привлекает его в равной мере. Поразительно, до чего разнообразны были интересующие его вопросы, и до чего верно определяет он некоторые явления, не будучи ближе знаком с ними, просто по какому-то чутью. Около Мемфиса в древних каменоломнях, он обращает внимание на глыбы камня, размеченные когда-то египетским мастером красными точками и так и оставшиеся неотколотыми. Ему достаточно было беглого взгляда на них, чтобы ясно нарисовать себе картину технических приемов древних рабочих при ломке камня. При первом-же посещении пирамид он приурочил их в хронологическом отношении к V династии, — ошибка была всего на одну династию, так как построены они были при IV династии.

23 Декабря 1829 г. Шампольон вернулся обратно на родину, выехав со своей экспедицией

31 Июля 1828 г. Таким образом осмотреть древнюю страну ему удалось основательно, поскольку это допускали местные условия. Родина встретила его неприветливо: во Франции стояли небывалые морозы, путешественникам тяжело было переносить их после жаркого юга. А тут замешался еще тупой формализм Тулонских властей, требовавших соблюдения правил карантина. Некрепкий здоровьем, измученный путешествием, хлопотами, непривычный к холодам, Шампольон принужден был жить в ужасных условиях карантина, в нетопленном помещении, без теплого платья. С уверенностью можно сказать, что исполнение этой никому не нужной формальности окончательно сломило здоровье Шампольона, тупой канцелярский формализм тулонских властей подготовил гибель молодого ученого.

В Париже он вскоре был избран членом Академии, одним из „бессмертных". С горечью принял он запоздалую почесть: Академия не удостоила его своим избранием в то время, когда он поднес Франции свое великое открытие, она не догадалась сделать это даже в то время, когда он завершал в древних Фивах свою трудную экспедицию,— избрание теперь, в 30 году, может ему доставить удовольствие не больше, „чем любителю бутылка вина, откупоренная 6 месяцев тому назад", с горькой иронией говорит он.

Шампольон снова принимается за свою работу по организации египетского отделения Луврского

музея, приступает к целому ряду крупных трудов, пишет грамматику иероглифических текстов, составляет иероглифический словарь, перерабатывает свой „Пантеон" в связи со вновь усмотренным им в египетской религии принципом триады — троичности богов, занимается географией древнего Египта, строя ее непосредственно на памятниках, обрабатывает египетскую цифровую систему и в связи с ней вопрос об астрономическом годе. В 30 году разразившаяся июльская революция застала его больным. Лувр был занят восставшими и, конечно, толпа не пощадила коллекций,—целый ряд предметов из драгоценных металлов и камней исчез навеки из музея. Для больного Шампольона это было большим ударом. Немногим больше года прожил он еще, угасая на глазах брата, несмотря на все усилия укрепить его расшатанный организм. 3 Марта 1832 года он после ужасных страданий скончался. Перед смертью к нему на миг вернулось сознание, он потребовал, чтобы ему подали кое-какие вещи, сохранившиеся у него на память о Египте, ему принесли его сандалии, его арабский бурнус, положили на эти вещи его цепенеющие руки. Глаза его вдруг опять засияли, точно на миг удалось увидеть ему древнюю страну, которой он отдал всю свою душу. Это была последняя вспышка угасающего сознания—Франсуа Шампольон скончался.

Но не умерла созданная им молодая наука. Во Франции, в Германии, в Италии, в Англии

деятельно принимаются за дальнейшую разработку истории, искусства, языка древнейшей в мире страны, а во второй половине 19 века продолжателей дела Франсуа Шампольона дала и Россия и Америка. Шампольон заложил фундамент новой науки, но неизмеримо много осталось сделать еще. Достаточно, напр., сказать, что Шампольон совершенно правильно отметил в египетском языке наличность чисто-звуковых, фонетических знаков, но только для отдельных звуков, а не для цельных слогов. А наряду с этим при чтении текстов он пользуется этими слоговыми, силлабическими знаками. Получалось некоторое противоречие, требовавшее детального раз'яснения. А Шампольон в своем стремлении охватил как можно больший материал в короткое время, обоснование своим теориям давал только, если ему приходилось сталкиваться с упорным отрицанием того, что ему самому казалось так ясно и так просто. Совершенно правильно охарактеризовал его метод работы Э. де-Руже, один из крупнейших французских археологов после Шампольона, назвав его „инитуитивным“ методом. Но доступен такой метод работы только гению, задача которого проложить пути... Не мог Шампольон также отделаться от старого предрассудка, не мог не искать в иероглифах глубокого символического смысла. Напр., он пытается об'яснить, почему слово „мать“ по египетски передается рисунком коршуна. Коршун, говорит он, есть символ вообще женской природы; царь обозначается рисунком

пчелы, потому что пчелы в улье живут монархическим строем. Это очень красивое об'яснение, но в настоящее время мы знаем, что слова „коршун“ и „мать“ звучали по египетски одинаково, так-же как слова „царь“ и „пчела“, а потому уже очень рано иероглиф одного стал употребляться вместо другого. Сто лет исполняется в этом году с тех пор как Шампольон впервые прочел картуш с именем Рамзеса II, и, оглядываясь назад на весь пройденный путь, мы с чувством радости можем сказать, что путь этот пройден не даром: в настоящее время мы, вооружась грамматикой и словарем, можем также изучить древне-египетский язык, как изучаем еврейский, арабский, древне-греческий, мы умеем даже подмечать изменения в языке древних египтян различных исторических эпох, мы знаем, что при Рамзесе II говорили уже не так, как при фараонах, строителях больших пирамид, мы свободно читаем египетские тексты, знаем содержание ряда литературных произведений.

В последние десятилетия раскопки, преимущественно английских археологов, доставили большое количество древнейших надписей, восходящих к эпохе первых египетских царей, вроде, напр., знаменитой шиферной палетки царя Нармера, речь о которой велась в самом начале. И вот удалось установить, что уже эта древнейшая эпоха за 4 тысячи лет до Р. Х. пользуется той же системой письма, что и эпоха Рамзеса II или даже эпоха завоевания

Египта персами. Попробуем же уяснить себе, какова эта система на основании того, что говорит нам современная египтология.

Наиболее употребительных знаков в египетском письме около 500. Это все художественные изображения, частью употреблявшиеся как таковые—знаки для обозначения целых слов, целых понятий (идеограммы) и так называемые детерминативы — определители; частью знаки эти носят характер *звуковой*, или знаков для целой группы звуков, слога, или знаков для одного звука. Последних в египетской „азбуке" не более 70. Выше было уже раз упомянуто, что египтяне подобно древним евреям и арабам не выписывают гласных звуков.

Об'ясняется это тем, что у этих народов гласные являются чем-то второстепенным, они служат только, чтобы передать грамматическую форму слова, суть же его, самое *значение* слова, определяется согласными звуками. Это последнее обстоятельство сыграло решающую роль в тот момент, когда древний египтянин попробовал письменно изобразить не только видимые предметы, которые можно было нарисовать, но и отвлеченные понятия, которые не поддавались изображению рисункам. Возьмем для примера один из характернейших египетских иероглифов—жука, скарабея (Рис. № 9). Мы его встречаем в бесчисленном количестве экземпляров в виде фаянсовых и каменных амулетов в гробницах. Он кладется на грудь покойного, заменяя собой греховное сердце, которое

на загробном суде смогло бы свидетельствовать против покойного. Но почему именно этот крупный навозный жук стал играть в Египте такую исключительно важную роль? Жук этот по египетски именовался Ḫpr, но те же согласные звуки Ḫ, p, r входят в состав слов, означающих отвлеченные понятия „сущность, форма, бытие“, те же согласные звуки входят в состав глаголов, означающих, „быть, существовать, становиться, наступать, возникать“, наконец, они-же являются главной составной частью одного из многочисленных имен бога-солнца Хепры. Так. обр. эта группа из трех согласных, переданная одним рисунком, служит разным целям, то является изображением жука, о котором в данной надписи хотелось нечто высказать, то слоговым, силлабическим знаком, входя в состав различным форм глагола „быть = ḫpr“, то означая в переносном смысле божество, имя которого по составу согласных совпадает с названием жука. В живой речи, конечно, несмотря на совпадающие согласные, благодаря разным гласным, египтянин отличал, напр., глагол „быть“ от существительного „сущность, форма“. Но как отличить их, если они написаны одним и тем же силлабическим знаком? На помощь приходит старый обычай давать по возможности рисунок самого предмета, о котором идет речь, и в слове, изображающем „форму, образ“ вслед за силлабическим, слоговым знаком ḫpr ста-

Рис. № 9.
Скарабей.

вится рисунок, изображающий статую, т. е. форму, образ человека. Возьмем для примера еще два слова, звучащие, вероятно, различно, благодаря гласным звукам, но имеющие совершенно одинаковые согласные, — i͗ḥ = хлев и i͗ḥ = вол. Чтобы различить их в надписи друг от друга, к слову „хлев“, написанному фонетически, прибавляется рисунок строения хлева; если же группа знаков должна означать „вола“, то к ней прибавляется рисунок этого животного. Эти знаки носят название „*детерминативов*“ и являются самым поздним изобретением в системе египетского письма. Но представим себе, что речь идет о понятии, которое рисунком не выразишь. В таком случае употребляют детерминатив, изображающий свиток папируса, завязанный тесьмой. Некоторые знаки, особенно передающие короткие слова, стали впоследствии употребляться в качестве обозначения одного согласного звука. Напр. знак = r; — „рот“ стал употребляться как знак для звука р, задвижка — стала изображать звук с, улитка — ф и т. д. Такие фонетические, чисто - звуковые знаки были особенно удобны в качестве грамматических окончаний и так наз. префиксов. Так от глагола „быть“ — ḫpr, с помощью префикса — приставки ṡ получали страдательную форму „сотворять, заставлять, быть“ — ṡḫpr. С помощью звука К на конце того же глагола ḫpr — быть получали второе лицо

единственного числа — „ты существуешь“ — ḫprk, и т. д.

В настоящее время мы имеем очень мало возможности подставить в египетской надписи правильные гласные звуки на надлежащие места. Правда, некоторую помощь мог-бы оказать коптский язык, пользовавшийся греческим шрифтом и выписывавший гласные звуки. Выше уже было сказано, что коптский язык является так сказать последним побегом древне-египетского языка. На этом языке говорили ремесленники, крестьяне, солдаты Нильской долины в последние столетия до Рождества Христова и в первое после него. В 3-м веке после Р. Х. на этот народный язык была переведена библия и таким образом он стал литературным языком христианского Египта. Древнейшие же египетские надписи восходят к эпохе первых царей, т. е. к четвертому тысячелетию до Р. Х. Чтобы понять всю глубину пропасти, отделяющей коптский язык от древне-египетского, нам достаточно сравнить, напр., церковно-славянский и современный русский. Многим-ли понятен в настоящее время церковно-славянский язык, с‘умеем-ли мы справиться с его грамматическими формами, не занимаясь им специально? А ведь между современным русским языком и церковно-славянским лежит едва тысячелетие... Возьмем время еще более близкое к нам — Петровскую эпоху, — ведь только внимательно вчитываясь и вдумываясь в эти кудрявые, витиеватые фразы, мы способны понимать их,

а ведь со смерти Петра Великого не прошло еще и двухсот лет... Насколько же должна быть больше разница между коптским и древне-египетским языком, если между ними лежит промежуток времени в несколько тысячелетий. Итак, коптский язык служит довольно слабым подспорьем при попытках восстановить гласные звуки в египетском письме. Поэтому для беглого чтения египетских иероглифов мы в настоящее время прибегаем к довольно варварскому способу: произвольно подставляем в тех местах, где есть нужда в гласных, букву е. Мы говорим о солнечном боге Хепре, хотя может быть правильнее было бы называть его Хопра. Кроме того, чисто условно употребляем мы в настоящее время несколько знаков в качестве гласных, просто потому, что подлинного произношения их мы не знаем, и такое употребление их значительно облегчает чтение. Мы произносим знаки 𓄿 и 𓂝 как наше а, 𓇋 как i, 𓅱 как у, зная отлично, что звуки эти на самом деле произносились совершенно иначе.

Конечно, при такой сложной системе письма вряд-ли возможно было такого характера беглое чтение, как напр., по русски.

Прежде чем бегло прочесть полученное письмо, египтянин должен был до некоторой степени освоиться с ним. И в конце концов каждый грамотный человек отлично справлялся с ним и без гласных, подставляя их где нужно при чтении вслух, умело поль-

зуясь системой детерминативов. Понимаем их в настоящее время и мы, отделенные от него тысячелетиями...

Современное письмо, будь то русское, немецкое, английское, преследует одну цель—передать мысль и другой целью мы и не задаемся, совершенно упуская из виду, что ведь знаки могут служить и другой цели, чисто художественной, что они могут *украшать* то, на чем написаны. Правда приспособить к такой цели наши знаки, наш современный шрифт, довольно затруднительно, но попытка превратить, например, заглавные буквы в орнамент целой страницы делалась и у нас. Особенно в последнее время поняли, что самый шрифт книги может говорить эстетическому чувству, что книга может и даже должна быть не только содержательна, но и красива. Для этой двоякой цели, передавать мысль и одновременно украшать, служить орнаментом, особенно пригодны египетские иероглифы, так как ведь каждый иероглиф в отдельности есть обыкновенно целый рисунок. Недаром же название „писца“, по египетски „сеш“ (ṡš) прилагалось и к художнику —„сеш кедут“ (ṡš kdwt), так как писцу иероглифов поневоле приходилось быть и художником, или, по меньшей мере, прибегать к содействию художника—специалиста. В стране, где светит такое необычайно-яркое солнце, как в Египте, постройки не нуждаются в многочисленных окнах, как у нас, наоборот там стараются укрыться в благодатной тени и стены храмов или гробниц обыкновенно представляют сплошную, ров-

ную поверхность, очень удобную для покрывания ее рисунками. Вот здесь обыкновенно и прилагали свои таланты египетские šš kdwt-писцы-художники. Иероглифы крайне тщательно с соблюдением всех деталей высекались на камне и затем расписывались яркими красками. Совершенно безразлично было при этом, шла ли надпись справа налево (Рис. № 10), или слева

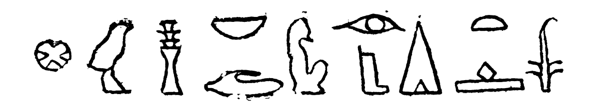

Рис. № 10.
Иероглифы.

направо,—лишь бы написанное в целом представляло красивую картину. Зачастую мы встречаем надпись, дважды повторяющую одно и то же содержание. В таком случае обыкновенно обе одинаковые половины надписи как бы расходятся от общего центра,— одна идет налево, другая направо. Строго соблюдается при этом следущее правило: крайне важно в эстетических целях расположить иероглифы так, чтобы они укладывались прямоугольными группами, причем допускалось даже явное искажение слова: напр. слово „человек“, производило более красивое впечатление в таком виде: ; так его и писали, нисколько не стесняясь выбрасывать нарушающую стройную картину слова букву

— м. Орфография смело приносилась в жертву каллиграфии. Привычка же видеть такие начертания в монументальных надписях, заставляла вносить их и в курсивное письмо, иератическое, как мы условились его называть.

Как правило, при курсивном письме надпись идет слева направо, причем, конечно, эстетические соображения играют здесь значительно меньшую роль, чем в монументальном письме. Писать можно было вертикальными столбцами (Рис. № 11) и горизонтальными (Рис. № 12) строками, причем последний способ письма становится обычным для нового царства.

Рис. № 11. Вертикальная иератическая надпись.

Громадную роль в истории развития письменности играет материал для письма той или иной страны. Древний житель Месопотамии имел только глину, из которой он прессовал таблички для письма. Само собою разумеется, что мягкая, легко выкрашивающаяся глина с трудом допускала возможность рисовать на ней; рисунок приходилось до чрезвычайности упрощать, таким образом, материал для письма подсказывает, если можно так выразиться, характер письмен данного народа. То же было и с египтянами. По обе стороны Нила тянутся горные цепи, доставляющие стране самые разнообразные породы камня,

начиная от алебастра, известняков, песчаников, диоритов, порфиров, сиенитов, гранитов и других

Рис. № 12.
Горизонтальная иератическая надпись.

твердых каменных пород. Многие из этих пород поддавались очень тонкой обработке, и то, что было невозможно на мягкой глине, оказалось возможным на твердом камне, резец писца-художника мог высекать на нем красивые знаки, изображающие всевозможные предметы. Другим материалом явился папирус. (Рис. № 13). В настоящее время мы в Египте не встретим папируса и, чтобы увидеть его растущим на воле, нам пришлось бы отправиться далеко за пределы Египта,

Рис. № 13.
Папирус.

вверх по течению Нила. В древности папирус густыми зарослями покрывал Нил и в пределах Египта, как у нас на севере растет камыш по тихим заводям реки около берегов. Заросли его служили пристанищем бесчисленному количеству птиц всевозможных пород, на которых охотились и египетские вельможи ради спорта, и пастухи и крестьяне ради пропитания. Трехгранные стволы этого растения срезались для самых разнообразных целей,—из них плелись цыновки, делались легкие челноки, они рубились, как солома для подстилки скоту, для примешивания к глине при приготовлении кирпича-сырца. Наиболее толстые стволы папируса разрезались вдоль узкими полосками. Полоски эти клались рядом в вертикальном положении, на этот ряд накладывался второй, горизонтальный, они смазывались клейстером, пресовались, сушились, основательно выглаживались, чтобы удалить все неровности. Получался лист отличной, гладкой бумаги, почти белого или желтоватого цвета. Если нужен был лист большого формата, несколько штук их склеивалось до получения нужной величины. К верхнему и нижнему краю такого листа приклеивались, вероятно, круглые палочки, на которые наворачивался уже исписанный лист, который затем обвязывался тесьмой. Рисунок такого свитка папируса, как было уже сказано выше, впоследствии делается детерминативом всех отвлеченных понятий. Папирусовая бумага никогда не была, вероятно, особенно дешевым материалом,

так как, приготовление ее требовало большой тщательности и сноровки. Поэтому экономный египтянин зачастую просто смывал ставшую ненужной надпись с листа и заполнял его новой надписью. Конечно, черты первой надписи, бледные и слабые, оставались и после промывания и при чтении папируса мы в настоящее время в состоянии бываем восстановить первоначальный текст. Если приходилось записать что-нибудь не особенно важное, если приходилось послать, напр., короткую записку кому-нибудь, вместо дорогого папируса употребляли осколок белого известкового камня, черепок глиняного сосуда, деревянную дощечку. Употреблялась в раннее время и кожа, но уменье выделывать ее никогда не достигло в Египте высокого развития, никогда не смогла она вытеснить употребления папируса. Египетские фабрики бумаги славились, и впоследствии вывоз папируса доставлял Египту хороший доход. По настоящее время сохранилось старое название папируса в европейских языках в применении к бумаге: papier—по немецки, papier—по французски, paper—по английски и т. д.

Писали на папирусе при помощи кисточки из стебелька того же папируса: впоследствии кисточка была заменена пером и переход от рисованья знаков к писанию их в нашем смысле слова ознаменовался изменением внешности самого почерка писца,—перо давало возможность проводить гораздо более тонкие, элегантные черты, чем кисточка, кроме того

стало возможным связывать между собою отдельные знаки, т. е. писать более бегло: совершенно аналогичный процесс замечается и в русских рукописях при переходе от устава к полууставу и затем к скорописи. Вместо чернил употреблялась тушь из

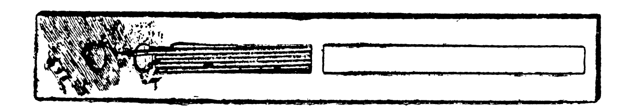

Рис. № 14.
Палетка писца.

сажи, замешанной на клеевой воде, для особых надобностей писец мог пользоваться красной краской. И тушь и красная краска сохранялись обыкновенно в особых углублениях на деревянной дощечке, служившей писцу и палитрой и пеналем, где хранились его кисточки. (Рис. № 14). К дощечке на ремешке привязывался обычно горшечек с клеевой водой и пучек запасных кисточек. (Рис. № 15). Как постоянный спутник писца, рисунок этого прибора делается иероглифом, означающим писца, символическим изображением этого последнего.

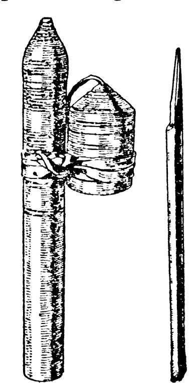

Рис. № 15.
Письменный прибор писца.

Попробуем теперь от надписей перейти к людям, создавшим их, попробуем хотя бы бегло нарисовать себе картину быта знаменитых египетских писцов.

Какова бы ни была судьба Египта, стоял ли он в центре мировой политики, как при царях 18 династии, переживал ли он эпоху расцвета литературы и искусства при фараонах 12 династии, или это были еще времена строителей пирамид, но всегда при всех условиях, сложная государственная система управления, с ее строгой централизацией требовала сложного бюрократического аппарата. Канцелярия,

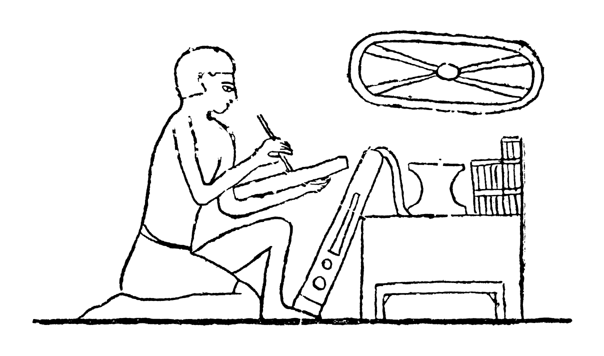

Рис. № 16.
Писец.

где велось все делопроизводство, где чиновники были строго распределены по рангам, была характерной чертой Египта еще в глубокой древности. Приносились ли в казначейство подати крестьянами, зачастую выбиваемые из неаккуратных плательщиков жестокими бастонадами, подводился ли подсчет количеству урожая, шло ли взвешивание золота и серебра для казначейства,—писец обязательно присутствовал, скрестив ноги на земле, развернув свой свиток папируса на коленях, записывая цифровые данные,

составляя краткий отчет. Вся переписка (Рис. № 16) многочисленных учреждений возлагалась на них. На обязанности писца было не только ведение деловых бумаг,—он должен был записать новую сказку, роман, рецепт испытанного средства, ему же поручалась частная переписка. Надо думать, что кроме писцов—государственных учреждений, существовали частные писцы, которые на площадях, за небольшую плату могли за неграмотного клиента написать письмо, вроде того как это водится и в наши дни, напр., в Индии.

При сложности египетской системы письма, она требовала, конечно, специальной подготовки, да кроме того писец не мог ограничиться одной грамотой, надо было владеть слогом, уметь красиво выражаться, так как египтянин высоко ценил красоту речи, как устной, так и письменной. Надо было быть образованным человеком, а кто хотел сделать карьеру в канцелярии и от должности простого писца подняться до высших служебных ступеней, тому следовало кроме образования усвоить и утонченные манеры придворного человека. Иными словами — нужна *школа*. Такие школы, вероятно, существовали при всех больших канцеляриях и также при храмах. Отличительной чертой их была всесловность. Ничто не мешало сыну ремесленника поступить в такую школу вместе с детьми вельмож, как ничто не препятствовало ему при наличности способностей подняться до высших ступеней общественного положения. Дети должны были в этих школах

жить, их поили и кормили однако родители: „три хлеба и два кувшина пива“, вот ежедневная пища школьника, которую должна была приносить ему мать. Дисциплина в школе сурова: мальчику утром не полагается долго лежать в постели: „книги лежат уже перед твоими товарищами, возьми же платье свое, позови свои сандалии“, будят его рано утром. Горе, если мальчик зазевается в присутствии учителя, „ибо уши мальчишки на спине его и слышат они, когда секут его“. Трудно решить, насколько искренен молодой писец, обращающийся со словами похвалы и благодарности к своему учителю, вспоминая свои ученические годы: „когда я был ребенком, я был при тебе, ты бил спину мою и поучение твое входило в ухо мое“. А в другом месте говорится даже, что ученик ходил три месяца в колодке и был связан в темнице храма. Не очень легка была, как видно, учёба в школе и во многих отношениях египетский школьник напоминает нам бурсака недавнего прошлого. Что же заставляло мальчика терпеть такой суровый режим, что заставляло родителей отдавать детей в школы? Что внушало им такое настоятельное обращение к сыну, как видим мы у древнего писца Дуауфа: „обрати сердце свое к науке, люби науку как мать свою, ибо нет ничего выше науки“? Тот же древний мудрец об‘ясняет нам это: „нет сословия, которое не было бы управляемо, только ученый (т. е. писец) управляет сам... сделайся писцом и ты будешь руководить людьми,

ибо сан писца—княжеский сан". Писца кормит его должность, его ученость, но, конечно, если он не щадит трудов своих, ибо „писец руководит работой людей, но если работа над книгами для него отвращение, тогда счастье не с ним; не будь ленив, о писец! Иначе ты будешь наказан... С книгою в руках читай устами своими, и советуйся с теми, кто знает больше тебя. Уготовь себе княжескую должность, чтобы мог ты достигнуть ее, когда состаришься. Счастлив писец, искусный в своем деле. Будь прилежен в ежедневной работе, будь деятелен. Не ленись ни одного дня, или ты будешь бит... Да услышит сердце твое слова мои, да послужат они к счастью твоему... Будь прилежен в испрашивании совета, не забывай это, не отвращайся от этого. Да услышит сердце твое мои слова, и ты найдешь свое счастье"... Важна и почетна должность писца не только потому, что дает возможность устроить свою жизнь,—она—лучшая из должностей, потому что мудрейший из богов, Тот, изобретатель письма, великий чародей, сердце и язык Всевышнего при богах исполняет должность писца. Поэтому египетский писец считает Тота своим покровителем и носит при себе его изображение, иногда в виде человека с головой ибиса (Рис. № 18), иногда же символически, изображенного своими двумя священными животными—ибисом или обезьяной (Рис. № 17). К Тоту обращается писец с молитвой: „приди, чтобы вести меня, чтобы научить меня верно поступать в долж-

ности твоей... Пусть все прославляют могущество твое, пусть люди говорят: велико, содеянное Тотом! Пусть придут они с детьми своими, чтобы сделать их писцами. Должность твоя —прекрасная должность, о сильный защитник. Веселится тот, кто ее занимает".

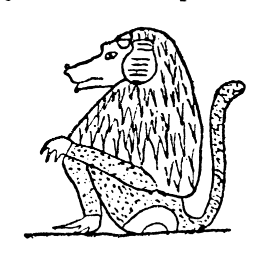

Рис. № 17.
Тот—кинокефал.

Этим молитвенным обращением к премудрому Тоту, покровителю письмен, закончим наш рассказ. Ровно сто лет прошло с тех пор, как были прочтены первые иероглифы, в настоящее время нам широко открылся

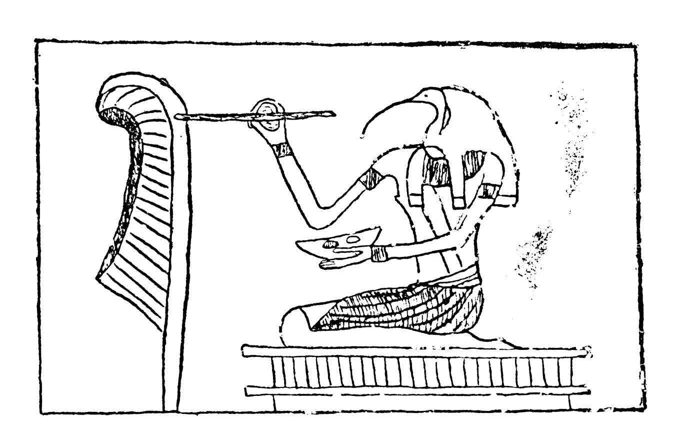

Рис. № 18.
Ибисоголовый Тот.

заповедный мир тысячелетней мысли и с благодарностью должны мы вспомнить имя того, кто отыскал ключ к этому миру — имя Франсуа Шампольона.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Книжный магазин Культурно-Просветительного Кооперативного Товарищества
„НАЧАТКИ ЗНАНИЙ“.
Петроград, Просп. 25 Октября (б. Невский), № 110.

Главлит. № 3217. Тираж: 3500 экз.

Типография ар. Л. Я. Ганзбург. Мытнинская ул., д. № 11.